

*Н.Ю. Масоликова,
М.Ю. Сорокина*

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

В статье рассматриваются некоторые проблемы истории российского научного психологического зарубежья. Приводятся очерки биографий российских психологов, эмигрировавших из страны в первой трети XX века: Н.В. Краинского, Г.Я. Трошина, Г. Зильбурга, Д.А. Ошанина, Ф.Н. Досужкова, Е.В. Антиповой, Е.М. Ганфман, Н.Е. Осипова и др. Анализируется специфика структуры и характера миграции психологов из России, варианты их интеграции в мировое психологическое сообщество.

Ключевые слова: российское научное зарубежье, диаспора, эмиграция, биографический словарь, «страны-транзиты», «страны-резиденции».

Российская научная диаспора оказала значительное воздействие на развитие мировой научной и философской мысли XX века, однако ее история остается недостаточно изученной фактически и минимально осмысленной на концептуальном уровне. Это и понятно, т.к. судьба научного, как и всего российского зарубежья XX столетия в целом, стала привлекать внимание зарубежных и отечественных исследователей преимущественно в последние десятилетия, после изменения политического климата во многих странах Европы и перемещения проблем миграции населения и различных профессиональных групп в самую актуальную часть повестки дня современного

общественного мышления¹. Однако и по сей день наша историография не располагает ни одной монографией, анализирующей историю становления и развития российской научной диаспоры как самостоятельный феномен; отсутствуют сводные списки русских научных учреждений и центров за границей,

¹ Разумеется, в СССР публиковались отдельные работы, посвященные белой эмиграции, однако они носили резко негативный и пропагандистски обличающий характер. Из работ последних лет см.: Йованович, 2005; Нитобург, 2005; Горелик, 2007; Ван Чжичэн, 2008; Кёсева, 2008; Пивовар, 2008; Русская колония..., 2008; Ронин, 2009; Johnston, 1988; The Other Russia..., 1990; Raeff, 1990; Hassel, 1991; Der grosse Exodus..., 1994; Struve, 1996; Raymond, 2000; Tinguay, 2004; Luksic, 2006; Gousseff-Klein, 2008 и др.

биографические справочники научных работников, полные библиографии их трудов и литературы о них². К тому же в поле зрения историков и науковедов оказались прежде всего российские ученые-эмигранты с мировой известностью и представители некоторых гуманитарных дисциплин. Изучение естественно-научных, междисциплинарных научных сообществ диаспоры, в том числе психологического, ведется пока менее интенсивно.

Между тем без детального просопографического исследования этнической, конфессиональной, географической, возрастной и дисциплинарной составляющих российского научного зарубежья невозможно понять ни сам этот феномен в его исторической статике и динамике, ни то, в какой мере потери отечественного научного сообщества, вызванные эмиграцией ученых после социальных потрясений XX века, повлияли на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию научных, в том числе и психологических, исследований в СССР / России, ни то, как, когда и почему возникают и в какой мере реализуются миграционные настроения научных специалистов сегодня.

² Это положение, конечно, не относится к философам и литературоведам российского зарубежья и в меньшей степени к историкам, по изучению наследия которых проделана значительная исследовательская работа.

Данная статья предлагает первый обзор социальной истории российского психологического сообщества зарубежья в первой половине XX в. в общем контексте формирования и развития российского научного зарубежья³.

* * *

Революционные потрясения 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война существенно изменили институциональную и персональную карту российской науки. Глубокий социальный «стресс» разломил некогда единое научное сообщество на «метрополию» и «диаспору». Как всякое системное потрясение, стресс эмиграцией имел позитивные и негативные последствия для российской науки. Многие научные сообщества советской «метрополии», как, например, славистическое и юридическое, потеряли сотни своих коллег и на годы вперед оказались кадрово обескровленными, что оказало значительное воздействие на развитие этих научных областей. Научные специалисты российской диаспоры также в полной мере испытали трудности поиска и актуализации новой персональной и профессиональной идентичности в изменившемся социально-культурном и языковом пространстве. Оказавшись рассеянными по разным государствам и кон-

³ В данной статье частично используются материалы наших ранее опубликованных работ (Масоликова, Сорокина, 2006; Сорокина, 2010).

тинентам, часть специалистов среднего поколения и особенно научная молодежь вообще оставили профессию, не сумев адаптироваться к местным общественно-политическим, социальным и институциональным реалиям, а другая часть провела многие годы в состоянии своего рода профессионального анабиоза, ожидая так и не случившегося возвращения на родину.

В то же время стресс эмиграцией обернулся для российского научного организма в целом и существенным позитивным импульсом. Значительная часть ученых диаспоры приняла участие в формировании параллельного большевистской России научного пространства — широкой национальной научной инфраструктуры на всех континентах, от Евразии до Африки, Америки и Австралии, — собственных институтов, академических групп, обществ, профессиональных союзов, издательств, журналов, учебных заведений разных уровней (см. Пивовар, 2008; Российские ученые..., 1993; Российская научная эмиграция..., 2001 и др.). Этот сегмент российского научного зарубежья активно развивался с начала 1920-х годов, но в силу многих причин почти исчерпал свой институциональный потенциал к началу Второй мировой войны (1939).

Кроме того, многочисленная группа ученых-беженцев, прежде всего представителей естественных и технических дисциплин, сумела успешно интегрироваться в между-

народное научное сообщество. В отличие от гуманитариев, они не имели возможности создать в эмиграции национальные научные институты, требовавшие больших материальных вложений. Отсутствие национальных форм стало важным стимулирующим фактором быстрой адаптации ученых к поначалу чуждой профессиональной среде и, в конечном счете, способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Сделав успешную индивидуальную карьеру в научных институтах стран пребывания, многие из них стали основателями новых научных школ и направлений, возглавили лаборатории, институты или университетские кафедры (см., например: Балышев, 2008; Российско-сербские связи..., 2009; Шестаков, 2009 и др.). Оставаясь в институциональных и языковых пределах исключительно российской науки, без «шока» эмиграции, они вряд ли завоевали бы такой научный авторитет в масштабах всего мирового научного сообщества.

На наш взгляд, именно удачная профессиональная карьера, сохранение своего социального статуса, культурной и этнической идентичности, и, следовательно, невозможность доказательства тезиса об «оторванности от родной почвы» как причине научного бесплодия, оказались причиной того, что история, как, впрочем, и современное положение этой части российских ученых остается недостаточно известной в России.

Отметим также, что по разным причинам оказавшись за рубежом, российские специалисты, как правило, стремились не терять личные и профессиональные связи с соотечественниками. Абсолютное большинство из них, несмотря на политические, социальные, этнические и профессиональные различия, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя частью российского научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения отечественных научных школ, расширяя таким образом их воздействие на развитие мировой науки и культуры.

* * *

Общий процесс трансформации персонального состава российского научного сообщества в начале XX века затронул и отечественную психологическую науку. Только после революций 1917 года и Гражданской войны Россию покинули такие известные российские психологи, лидеры в своих областях знания, как Николай Евграфович Осипов (1877–1934), Григорий Яковлевич Трошин (1874–1938), Николай Васильевич Краинский (1869–1951), Иван Иванович Лапшин (1870–1952), Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) и др. Их судьбы в эмиграции сложились по-разному: некоторые стали основателями школ и направлений в психологии, другие оставили солидное научное наследие, а третьи безвестно канули.

Так, Н.В. Краинский, автор концепции «энергетической психологии» и одноименной монографии (1905), служивший в дооктябрьский период в психиатрических лечебницах Харькова, Вильно, Новгорода, Киева, в феврале 1920 г. был эвакуирован из Новороссийска на остров Лемнос (Греция), а затем долгие годы жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. — Королевство Югославия). С самого начала эмиграции, хотя и на контрактной основе, он постоянно работал по специальности: с 1921 г. — доцентом кафедры психиатрии в Загребском университете (ныне Хорватия), а с 1929 г. — профессором кафедры психиатрии и экспериментальной психологии юридического факультета Белградского университета (ныне Сербия). Краинский активно участвовал в деятельности Русского научного института в Белграде, много публиковался в эмигрантской русскоязычной научной, научно-популярной и общественно-политической печати, в том числе издал очень любопытные очерки по психологии революции и эмиграции под характерным названием «Без будущего» (Белград, 1931). В то же время ряд его научных работ был опубликован на немецком, сербском и хорватском языках, в том числе учебник «Криминальная психология» на сербском языке. После Второй мировой войны, в августе 1945 г., Н.В. Краинский, находившийся в это время в Германии, подал ходатайство о возвращении на родину,

которое оставалось безответным до тех пор, пока в сентябре 1946 г. он не обратился лично к И.В. Сталину. В 1947 г. ученый получил разрешение на въезд в СССР и успел поработать в Украинском психоневрологическом институте в Харькове (подробнее см.: Петрюк, 1998).

В отличие от Краинского, основоположник детской психиатрии в России, профессор Казанского университета Григорий Яковлевич Трошин, высланный в конце 1922 г. в составе большой группы научной интеллигенции, на родину уже никогда не вернулся. Еще в дореволюционные годы он изучал ментальность детей с особенностями развития, создав одну из лучших классификаций аномалий развития в детской психопатологии. По проекту Трошина была открыта первая в России вспомогательная школа-лечебница для детей с особенностями развития. Высылка не стала для профессора крушением профессиональной карьеры. После череды арестов и диффамаций, организованных новой большевистской властью, он откровенно писал в одном из писем: «Хочется ехать за границу [...]». Жалею о долгом перерыве в работе и невозможности послать в Казань на свое место хорошего человека»⁴. Чехословакия в виде «Русской акции»

⁴ Архив Российской академии наук. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 1845. Л. 3 (письмо от 4 января 1923 г.; адресовано молодой Милице Васильевне Нечкиной (1901–1985), в будущем историк, действительному члену АН СССР).

ее правительства дала возможность Г.Я. Трошину, как и многим другим российским специалистам, продолжить активную научную деятельность. Здесь он заведовал кафедрой судебной медицины и психиатрии Русского юридического факультета и кафедрой педологии Русского педагогического института им. Я.А. Коменского в Праге, возглавлял Общество русских врачей в Чехословакии (1927–1938), а в 1934 г. участвовал в создании известного журнала «Русская школа за рубежом». И все же, несмотря на прижизненное признание, одной из причин скоропостижной смерти ученого в Праге упоминалась душевная депрессия, вызванная невозможностью «вложиться в жизнь» (см.: Малышева, 1996; Менделевич, Малышева, 2003; Наследие Г.Я. Трошина., 2005).⁵

Иная траектория судьбы представлена биографией выпускника бехтеревского Психоневрологического института в Петрограде Григория Зильбурга (в другой транскрипции — Цильборг (1890–1959); о нем см.: Alexander, 1960; Fountain, 1960; Beit-Hallahmi, 1985). Активный участник Февральской революции 1917 г., секретарь Министерства труда Временного правительства, он в 1919 г. бежал в США. Приехав без знания английского языка, Зильбург сумел быстро овладеть им и уже в 1926 г. получил степень доктора ме-

⁵ Отметим, что Г.Я. Трошин был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге, но его могила утрачена.

дицины от Колумбийского университета в Нью-Йорке, а в дальнейшем опубликовал на английском десятки книг и статей по истории медицинской психологии, психологии религии и др. Он занимался частной психоаналитической практикой и стал личным психоаналитиком многих известных американских деятелей искусства, в том числе композитора Джорджа Гершвина, драматурга Лилиан Хелман и др. В 1936 г. Зильбурга пригласили возглавить научную программу американского Комитета по изучению суицида, выпустившего по результатам исследования четырехтомный труд. Профессор психиатрии Медицинского колледжа Нью-Йорка, консультант по криминологии Организации Объединенных Наций, Григорий Зильбург никогда не забывал свои российские корни и много занимался литературным переводом, познакомив американских читателей со многими произведениями Леонида Андреева, Евгения Замятина, Владимира Короленко.

Если краткую информацию о зарубежном периоде деятельности Н.В. Краинского и Г.Я. Трошина — известных представителей старшего поколения научного зарубежья, можно найти в остающихся до сих пор главным источником комплексных сведений о персональной и институциональной структуре российской научной диаспоры первой половины XX в. «Материалах для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940)», то данные о научной

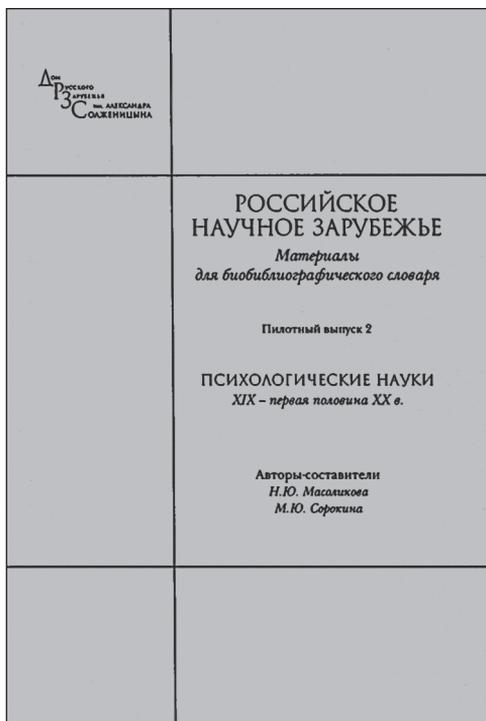
карьере Г. Зильбурга и других, более молодых представителей психологического сообщества зарубежья, там отсутствуют. Подготовленные и изданные Русским научным институтом в Белграде в 1931 и 1941 гг. под редакцией известного правоведа и философа Е.В. Спекторского (1875–1957), «Материалы» зафиксировали преимущественно тех научных специалистов, которые работали или сотрудничали в русских эмигрантских организациях, и почти не упоминают ученых, избравших путь индивидуального устройства. Аналогично, серия важных работ П.Е. Ковалевского (1960; 1971; 1973), ставшая логическим продолжением «Материалов» и опубликованная в 1960–1970-е годы, также минимально отражает профессиональные карьеры, научный вклад и личные судьбы представителей российского психологического сообщества в зарубежье.

Стоит отметить, что биографические словари «эмигрантов» вообще сравнительно новое явление в мировой словарной практике. Россия с ее тяжелым наследием советского авторитаризма, стимулировавшего культ вождей, но идеологически отрицавшего примат индивидуального над коллективным, пока отстает от других стран в области научной биографики профессиональных сообществ. Биографические справочники научных специалистов, опубликованные в советское время, предлагали, нередко вопреки желанию их авторов, весьма искаженную карти-

ну развития науки в России / СССР, исключая информацию о судьбах и достижениях репрессированных и эмигрировавших ученых. Только в последние десятилетия российская наука приросла работами, восстанавливающими незаслуженно забытые имена и основанными на изучении широкого круга архивных источников (см., напр.: Русское зарубежье..., 1997; Люди и судьбы..., 2003; Российское зарубежье..., 2008–2010).

Ведущийся в рамках научно-исследовательской программы Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ) проект «Российское научное зарубежье: библиографический словарь» призван частично заполнить указанную лакуну. Пилотный выпуск словаря, посвященный психологам, покинувшим Россию / СССР до начала Второй мировой войны, опубликован в 2010 г. (Российское научное зарубежье..., 2010).⁶ Источником сведений для него послужили зарубежные и российские биографические словари, интернет-сайты (прежде всего, национальные базы данных по эмиграции), издания по некрополистике, исследовательская литература, сведения которых соотносились с личными делами, анкетами и перепиской

специалистов, выявленными в фондах российских и зарубежных архивов (Государственный архив Российской Федерации, Государственный исторический архив г. Москвы, Архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевский архив) Колумбийского университета США и др.). Конечно, проделанная работа далека от завершения, тем не менее, полученные результаты дают основания для некоторых историко-научных наблюдений.

Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]. Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / авт. сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

⁶ Кроме того, уже изданы выпуски, посвященные медикам и востоковедам. Значительная часть работы по подготовке материалов пилотных выпусков словаря была проведена при поддержке грантов Российского гуманитарного научного фонда (№ 05-0303101а), которому мы приносим глубокую благодарность.

Корпус выявленных персоналий включает 83 имени и содержит сведения о специалистах, работавших в различных областях психологической науки, — гражданах Российской Империи / Российской Республики, родившихся по 1921 год включительно (год окончания Гражданской войны) и покинувших Россию / СССР по различным причинам начиная со второй половины XIX в. и по 1939 г. Таким образом, он отражает все основные потоки российских научных миграций указанного периода: специалистов, работавших за рубежом во второй половине XIX в.; дореволюционной политической эмиграции конца XIX — начала XX в.; так называемой «еврейской» эмиграции конца XIX — начала XX в.; беженцев периода Гражданской войны (1917–1921) и высланных из СССР в 1922 г.

Но прежде, чем представить набросок своего рода коллективного социологического портрета российского психологического зарубежья конца XIX — первой половины XX в., как он вырисовывается по данным «Словаря», следует сказать несколько слов о его понятийном основании. Традиционно среди множества вопросов, возникающих при подготовке биографических словарей, едва ли не самый дискуссионный — о формальных критериях отнесения той или иной персоналии к базовым категориям издания. В нашем случае он осложняется тем, что и сами эти категории — «российский», «ученый-психолог» и «эмиграция / зарубежье /

диаспора» — исторически очень подвижны, их объем и содержание существенно менялись на протяжении XIX–XX вв.

В отличие от исторической традиции самоописания и широко распространенной практики именовать эмиграцию «русской», вносящих дезориентирующий этнический компонент в сложное социокультурное явление, мы употребляем термин «российский» как индикатор правового статуса ученого — его гражданства в доэмиграционный период⁷.

Что называть «зарубежьем» и кого и по каким критериям считать «ученым-психологом» в этот период — проблемы более сложные. Действительно, относить ли к научному зарубежью всех бывших подданных Российской империи, ставших крупными величинами на научном поприще за рубежом, или преимущественно тех, кто еще до выезда из России успел обозначить свою принадлежность к отечественному научному сообществу? Тождественна ли механическая «сумма» уехавших / бежавших / перемещенных научных специалистов обобщающему понятию «российская научная диаспора»? Равно ли в свою очередь понятие «российская

⁷ Как известно, Декрет ВЦИК и Совета народных комиссаров от 15 декабря 1921 г. предусматривал лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов (Собрание узаконений..., 1922, ст. 11).

научная эмиграция» синонимично ему употребляющемуся выражению «российское научное зарубежье»? Эти вопросы подразумевают разнообразные варианты ответов, особенно с учетом всех возможных терминологических и содержательных оттенков употребляемых категорий. Но как показывают дискуссии последних лет о целесообразности приглашения ученых-соотечественников для работы в современной России, важную роль в характере ответов на эти вопросы играет сохраняющееся, а нередко и углубляющееся, эмоционально очень острое, отчуждение между «уехавшими» и «оставшимися», «победителями» и «лузерами». Между тем, на наш взгляд, именно представление об исторической общности «миров» метрополии и диаспоры при их очевидном разно- и многообразии может и должно быть положено в основание концепции российского научного зарубежья, в том числе психологического.

Как известно, институционализация психологии как самостоятельной научной дисциплины происходила на рубеже XIX–XX веков (открытие первых специально психологических институций, расширение преподавания в учебных заведениях, появление научной прессы и профессиональных объединений). Выросшая из недр философии и педагогики, медицины и зоологии, психология изначально имела междисциплинарный характер и объединяла представителей многих научных областей, что отразилось и

на профессиональном облике психологического сообщества этого периода. Именно поэтому главным маркером-критерием при определении принадлежности того или иного специалиста к «молодому» в то время цеху психологии мы считаем прежде всего наличие научных работ в этой области. В то же время учитывались и другие атрибуты — профессиональный статус (позиция), наличие ученой степени, членство в научных обществах, участие в организации и проведении научных исследований и т.д.

По сравнению с другими дисциплинарными научными сообществами, структура и характер миграции психологов имели свои особенности.

Во-первых, одной из тяжелейших и наиболее ощутимых на протяжении многих десятилетий потерь для многих гуманитарных наук был отъезд ряда крупнейших ученых, чьи научные труды формировали предметное поле научной дисциплины. Этот процесс затронул, как мы уже упомянули выше, и психологическое сообщество, но все же оно в значительной мере сохранило свои ведущие академические кадры.

Во-вторых, в возрастной структуре российской психологической диаспоры 1920–1930-х гг. важное место занимала молодежь, потеря которой имела и имеет исключительное значение для дальнейшего развития любой национальной науки в целом. Как известно, высшее образование было

и остается для «детей эмиграции» важнейшим социальным лифтом, а профессионализация — средством быстрой адаптации в новой среде.

Так, например, один из ведущих специалистов в области инженерной психологии Дмитрий Александрович Ошанин (1907–1978), эвакуированный в 1920 г. с семьей на о. Лемнос, окончил гимназию в Скопье (КСХС), затем Сорбонну в Париже и Белградский университет, получил здесь же степень доктора психологии (Козлов, 1997). После окончания Второй мировой войны он возглавил кафедру психологии Софийского института физической культуры в Болгарии, работал заместителем директора Института педагогики Болгарской академии наук (1952–1955), а в 1955 г. возвратился в СССР. До 1974 г. Д.А. Ошанин сотрудничал в Институте психологии Академии педагогических наук РСФСР, активно участвовал в создании Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики, а затем жил во Франции.

В отличие от Д.А. Ошанина, Федор Николаевич Досужков (1899–1982) успел в годы Гражданской войны поучиться в университете, а с 1921 г. продолжил свое образование в Карловом университете в Праге (Чехословакия, 1921–1927). Ученик и сподвижник Н.Е. Осипова, он служил в неврологической клинике университета, но в 1934 г. покинул ее и открыл собственную клинику, практикуя как невролог и психоаналитик

и став одним из основоположников психоанализа в Чехословакии. В течение ряда лет Досужков успешно совмещал деятельность в русских эмигрантских и чехословацких институтах. Так, в рамках Русского свободного университета он вел семинарий по изучению психоанализа (1938), находился в контакте с Зигмундом Фрейдом, а в 1946 г. воссоздал в Праге Общество изучения психоанализа. С приходом к власти в 1948 г. коммунистов Досужков вынужденно прекратил открытую психоаналитическую практику, которую возобновил на короткое время лишь в период «пражской весны» 1968 г. Драматичная судьба Досужкова-психоаналитика, чьи работы в этой области постоянно запрещались властями разной политической окраски, еще ждет своего исследователя, но уже сегодня его научное творчество привлекает внимание историков науки (см.: Перечень публикаций..., 2009; Фишер, 2009; Михлова, 2008).

В структуре российского психологического зарубежья значительное место занимают женщины. Имея минимальные возможности получить высшее образование на родине, они еще с дореволюционных времен массово уезжали в Европу и США и нередко оставались за границей навсегда. Многие из тех, кто затем вернулся в Россию и попытался развивать профессиональную карьеру на родине, все-таки покинули ее после прихода к власти большевиков. Так, например, Елена Владимировна

Антипова (1892–1974) после учебы на Петербургских высших женских курсах, в Коллеж де Франс и Женевской Школе педагогики Эдуарда Клапареда (1873–1940)⁸ в течение нескольких лет работала психологом-обследователем в Центральном карантинно-распределительном детском пункте в Петрограде, куда попадали дети-сироты и беспризорники, сотрудничала с известным психологом А.П. Нечаевым (1870–1948). После высылки из России в 1922 г. ее мужа, литератора Виктора Ирецкого (1882–1936), она также уехала в Германию, а с 1926 г. занималась исследовательской работой в известном Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве. В 1929 г. Антипова приняла приглашение правительства Бразилии поработать несколько месяцев в этой стране, где сформировала целую систему психолого-педагогических учреждений для детей, нуждающихся в социальной и психологической коррекции, и осталась навсегда (см.: «Энергичные..», 2010). За свою неутомимую пионерскую деятельность она награждена бразильским орденом Южного Креста, медалью «За заслуги в области образования». Ныне в Бразилии существует Фонд и Институт имени Е.В. Антиповой.

Другая известная в будущем исследовательница — Евгения Моисеевна Ганфман (1905–1983), дочь видного деятеля конституционно-демократической партии М.И. Ганф-

мана (1873–1934), эмигрировала с родителями в Литву в 1920 г. После защиты докторской диссертации о природе визуальных ассоциаций во Фридрих-Шиллер-университете в Йене (Германия), она в 1930 г. вместе с другой российской эмигранткой-психологом — Тамарой Вульфовой Дембо* (1902–1993) уехала в США для работы в лаборатории Курта Коффки (1886–1941) в Смит-колледже (штат Массачусетс). Здесь и позднее в Ворчестерском госпитале у Дэвида Шэкова (1901–1981) Ганфман интенсивно занималась изучением когнитивных способностей личности. После Второй мировой войны она преподавала в Гарвардском университете, участвовала в программе по изучению психологических реакций советских перемещенных лиц («ди-пи»). В 1952 г. по приглашению известного американского психолога, основателя гуманистической психологии, профессора Абрахама Маслоу (1908–1970) Евгения Ганфман перешла в университет Брандайс в Бостоне, где стала основателем и директором психологического консультационного центра (Simmel, 1986).

Согласно нашим материалам, ученые-психологи российского происхождения работали более чем в тридцати странах мира. География их миграций охватывает все континенты — от Южной Америки и Австра-

⁸ Недавно опубликована их переписка (Claparède, Antipoff, 2010).

* См. в этом выпуске статью Х. Люка и М.В. Волковой «Тамара Дембо: научный портрет на фоне XX века», с. 40–73 (ред.).

лии до Евразии, Африки и Северной Америки. Даже в Южной Африке первым психоаналитиком и автором первого в истории психологии отчета о применении методов психоанализа к африканцу стал ученик академика И.П. Павлова Вульф Сакс (1893–1949), который с 1921 г. жил и работал в Йоханнесбурге (Sachs, 1937; 1947).

В целом страны, принявшие российских психологов, делятся на две группы — «страны-транзиты» и «страны-резиденции»⁹.

«Страны-транзиты», в которых научная молодежь и специалисты проводили по несколько лет, давали им возможность «пройти» через широкую образовательную и научную инфраструктуру, получая специальное образование, повышая свою квалификацию, расширяя кругозор, осуществляя научные проекты, приобретая научные деловые связи, вливаясь в интернациональные научные сообщества, и, наконец, расширяя свои научные достижения. Они помогали беженцам и их детям не прерывать научную деятельность и / или адаптироваться к новым условиям существования вне родины именно в профессиональном статусе.

⁹ Первые результаты изучения биограмм российских психологов-эмигрантов были представлены Н.Ю. Масоликовой на международной научной конференции «Русская эмигрантская культура и гуманитарные науки в межвоенной Чехословакии: линии профессионального сотрудничества» (Прага, Чехия, 7–11 октября 2008 г.).

Германия является безусловным лидером в категории «страны-транзиты» — более одной трети выявленных нами ученых-психологов так или иначе провели здесь ряд лет. Ее первенство обусловлено несколькими факторами. Как известно, Германия традиционно была Меккой русского студенчества. Лейпцигский университет, где жил и работал основатель экспериментальной психологии профессор Вильгельм Вундт (1832–1920), на рубеже XIX–XX вв. была ведущим центром подготовки российских психологических научных кадров. Например, здесь в разные годы учились и стажировались работавшие после 1917 г. в Европе Абрам Антонович Грюнбаум (1885–1932), специалист по экспериментальной психологии, Иван Германович Кинкель (1883–1945), психоаналитик и социолог, Исаак Григорьевич Оршанский (1851–1923), невропатолог, психиатр, и др. В 1920-е годы роль образовательного лидера перешла к Берлинскому университету, где учились многие российские студенты-психологи, в начале 30-х годов эмигрировавшие в США. К тому же именно в Германию отправился высланный из России «философский пароход» 1922-го года, на борту которого находились ведущие российские философы, ставшие основоположниками и новых направлений психологической науки. Однако, несмотря на многолетние научные и образовательные связи России и Германии, ни один психолог российской

диаспоры не остался в Германии для постоянного проживания и работы, что было обусловлено, прежде всего, ужесточением политического режима в этой стране.

Второе и третье место в группе «стран-транзитов» занимают Франция и Швейцария, которые также на протяжении многих лет служили образовательным ресурсом для российских психологов.

«Страны-резиденции» приняли российских специалистов или были избраны ими для нового постоянного места жительства и реализации научного потенциала, вплоть до последних дней жизни. Формально этот список возглавляет Франция. Однако здесь осели в основном те специалисты, которые покинули Россию еще до 1917 г. (например, Екатерина Антоновна Шамье (1888–1950), Николай Николаевич Костылев (1876 — не ранее 1947), Виктор Алексеевич Анри (1872–1940)), а также те, для кого психологические исследования были составной частью их более общей философской или военно-исторической деятельности.

Основными центрами российского психологического сообщества в зарубежье первой половины XX в. стали Чехословакия и США.

Чехословакия сохраняла статус научного центра российской эмиграции на протяжении многих лет. Несомненно, этому в значительной степени способствовала космополитичная интеллектуальная атмосфера Праги, где до Второй мировой

войны одновременно функционировали чешские, русские, украинские, белорусские, немецкие, французские университеты, институты, кружки и семинары. Здесь также существовала особая культурная среда, целенаправленно сформированная на основе концентрации российских научных работников самого разного профиля, а также значительная образовательная и научная институциональная инфраструктура, прежде всего научная периодическая печать.

В силу эмигрантского статуса лишенные, как правило, собственно «клиники», психологи обратились в Праге к трем наиболее доступным с точки зрения профессии «полям» исследования — литературным текстам, «личности» и детям русской эмиграции. Если Н.Е. Осипов пражского периода олицетворял собой, прежде всего, исследования психологии художественного творчества («текстов») и психоанализа¹⁰, то Г.Я. Трошин развивал широкий спектр прикладных направлений психологической науки — от педологии, педагогической психотехники до изучения коллективных психозов, связанных с политическими движе-

¹⁰ В отличие от других психологов-эмигрантов, литература о Н.Е. Осипове обширна и постоянно прирастает, хотя его научной биографии до сих пор не существует (см., напр.: Сироткина, 1995; Соколинский, 1995; Овчаренко, Брылева, 2000). Недавно опубликована переписка Н.Е. Осипова с З. Фрейдом (Freud, Ossipow, 2009).

ниями Европы. Под его руководством были проведены обширные психотехнические исследования в русских гимназиях в Моравской Тржебове и Старых Страшницах.

Преподавательская и научная деятельность российских психологов старшего поколения проходила преимущественно в учреждениях русской эмиграции и в ареале русского языка. Между тем эмигрантская молодежь проходила в Праге одновременно и школу «отцов», и школу Карлова университета. Так, например, Константин Иванович Гаврилов (1908–1982), выпускник таллиннской русской гимназии, окончил естественный факультет Карлова университета, где сотрудничал с известным русским зоологом, последним выборным ректором Московского университета, профессором М.М. Новиковым (1876–1965) и его зоологическим семинарием¹¹. Получив степень доктора зоологии в 1932 г., Гаврилов до 1938 г. служил в университете, печатал научные работы на русском, чешском, немецком, французском языках, параллельно осваивая со своим другом и коллегой Ф.Н. Досужковым психоанализ. В 1938 г. Гаврилов уехал в Аргентину, где жили его родители. После Второй мировой войны он получил должность профессора Тукуманского университета, где читал курсы сравнительной анатомии и физиоло-

гии беспозвоночных, одновременно публикуя свои исследования по рефлексологии и психоанализу (Gavrilov, 1944; 1953), имевшие значительный резонанс в испаноязычной научной среде. Автор более 80 опубликованных научных работ, в 1978 г. К.И. Гаврилов был удостоен звания почетного академика Академии естествознания при Аргентинской академии наук. Отметим также, что на протяжении всей жизни он стремился сохранять и поддерживать свои русские связи, материально помогая друзьям после Второй мировой войны¹².

В отличие от Чехословакии, основную часть приехавших в США составляли молодые психологи, получившие образование в Германии после 1920 г. и уехавшие за океан по контракту на рубеже 1930–1931 гг. Как и их предшественники из волны дореволюционной «еврейской эмиграции» (Яков Казанин (1897–1946), Самуэль Славсон (1890–1981) и др.), они сразу начали работать в американских университетах и госпиталях и печатались уже по-английски.

Характерный пример этой генерации психологов — судьба Марии (Марики) Арсеньевны Овсянкиной (Рикерс-Овсянкина (1898–1993)). Она родилась в Чите и с матерью, немкой по происхождению, около 1920 г. эмигрировала из Владивостока в Гер-

¹¹ Опубликованы его небольшие воспоминания об этом периоде (Гаврилов, 1936).

¹² См. об этом публикацию писем К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву в сборнике статей «Российское научное зарубежье: новые имена и архивы» (в печати).

манию¹³. Здесь Овсянкина училась в Берлинском университете, а в 1924 г. познакомилась с Куртом Левиным (1890–1947) и вместе с тремя другими студентками из России, ставшими известными психологами, — Г.В. Биренбаум (1903–1952), Т.В. Дембо и Б.В. Зейгарник (1900–1988), — занималась в его семинаре. Докторскую диссертацию она защитила в 1928 г. в университете Гиссена и в течение нескольких лет искала профессионального применения, сменив ряд мест работы — от ассистента Берлинского университета до тюремного психолога. В 1931 г. Овсянкина переехала в США к Дэвиду Шакову в Ворчестерский госпиталь и приняла активное участие в его проекте по изучению шизофрении вместе с уже упомянутыми Т.В. Дембо и Е.М. Ганфман. С 1935 г. она уже преподавала в престижном Уитон-колледже (Массачусетс) и стала здесь профессором. Параллельно М.А. Овсянкина вела различные курсы по психологии в Массачусетском технологическом институте, Гарвардском и Корнельском университетах. Как практически все попавшие в США психологи российского происхождения, она нашла в этой стране насыщенную интеллектуальную среду и сделала выдающуюся профессиональную карьеру. Работы М.А. Овсянкиной по психодиагностике методом черниль-

ных пятен Роршаха остаются классическими по сей день (Farina, 1996). Ее последним академическим назначением был пост директора по клиническим испытаниям университета штата Коннектикут (1949–1965), а после выхода в отставку М.А. Овсянкина уехала на атлантическое побережье США и жила в Беркли (Калифорния), продолжая читать факультативные курсы в Калифорнийском университете.

На протяжении всех лет американской жизни Тамара Дембо, Евгения Ганфман и Мария Овсянкина постоянно работали в человеческом и профессиональном контакте, образовав ядро многолетней неформальной, но очень устойчивой профессиональной общности (network), для которой их российское происхождение имело существенное значение¹⁴. В то же время их участие в американской «русской» жизни было весьма опосредованным — в основном через личные контакты и тематику исследований (изучение, например, психологического статуса русских «перемещенных» лиц после Второй мировой войны в рамках исследовательских проектов).

Суммируя, отметим, что в нашей классификации «стран-транзитов» и «стран-резиденций», принявших разные поколения российских психологов, первое место по совокупности позиций занимает Франция,

¹³ Вероятно, отец М.А. Овсянкиной — Арсений Васильевич остался в России и был в 1930 г. арестован, а в 1931 г. осужден на тюремное заключение.

¹⁴ Это наблюдение уже сделано в докладах британского историка психологии Вильяма Вудворда (William R. Woodward).

за ней следуют США, Чехословакия и Швейцария, что довольно точно отражает уровень развития психологических исследований в рамках «национальных» наук первой половины XX века.

В настоящей статье мы затронули лишь малую долю проблем миграций научных специалистов-психологов, ограничившись внешней канвой бытования их сообщества. Однако ясно, что полнокровная социальная история российской психологической науки складывается из трех неразрывных составляющих: 1) истории «дореволюционной» и «советской» науки, 2) истории российского научного зарубежья и 3) истории «репрессированной науки». Изучение биограмм российских психологов, работавших за пределами Российской Империи / СССР в конце XIX — первой половине XX вв. показывает, что они сформировали сложное по структуре, но вполне определенно очерченное «российское психологическое зарубежье», объединенное не только единством происхождения и языком, но и внутренними профессиональными связями. Небольшое по размерам, компактное, оно сумело не только выжить в условиях новой языковой, культурной и профессиональной среды, но и занять в ней лидирующие или заметные позиции при сохранении своей «диаспоральной» принадлежности (персональные связи, институции, пресса).

Литература

Бальшиев М.А. Отто Людвигович Струве, 1897–1963. М., 2008.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.

Гаврилов К.И. М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в Чехословакии. Прага, 1936. № 4.

Горелик Б.М. Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007.

Димитрова Н. Основные моменты развития психологии в Болгарии в первой половине XX века // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 2. С. 49–56.

Золотова Н.В. Научное наследие и жизненный путь Б.В. Зейгарник // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 2. С. 135–146.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. М., 2008.

Ковалевский П.Е. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. 1. Мюнхен, 1960.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнения. Париж, 1973.

Козлов В.И. Человек необычной судьбы (К 90-летию со дня рождения Д.А. Ошанина) // Вопросы психологии. 1997. № 1.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Мальшева С.Ю. Казанский психиатр и безумные времена // Казанский университет. 1996. № 11.

Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Психология в истории Российского научного

зарубежья // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2006. С. 223–229.

Менделевич Д.М., Малышева С.Ю. Слово о профессоре Григории Яковлевиче Трошине // Неврологический вестник. Казань, 2003. Т. 35. Вып. 1/2. С. 70–75.

Михлова С. Николай Осипов и Федор Досужков. Врачевать душу // Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008. С. 127–132.

Наследие Г.Я. Трошина в истории педагогики и психологии России и российского зарубежья / отв. ред. О.Е. Осовский. Саранск, 2005.

Нитобург Э. Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. М., 2005.

Овчаренко В.И., Брылева Д.П. Психоаналитические и философские искания Николая Осипова // Осипов Н.Е. Психоаналитические и философские этюды. М., 2000.

Перечень публикаций Ф.Н. Досужкова (1899–1982) // Ежегодник истории и теории психоанализа. Т. 3. Ижевск, 2009. С. 146–153.

Петрюк П.Т. Профессор Николай Васильевич Краинский — талантливый представитель украинской психиатрической школы // Вісник Асоціації психіатрів України. 1998. № 2. С. 90–98.

Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

Ронин В.К. Русское Конго: 1870–1970: В 2 т. М., 2009.

Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001.

Российские ученые и инженеры в эмиграции / под ред. В.П. Борисова. М., 1993.

Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь: В 3-х т. / под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008–2010.

Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]. Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Э.И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М.В. Лоскутова и М.В. Хартанович. СПб., 2009.

Русская колония в Тунисе. 1920–2000 / сост. К.В. Махров. М., 2008.

Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энцикл. биогр. словарь / под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997.

Сироткина И.Е. Из истории русской психотерапии: Н.Е. Осипов в Москве и Праге // Вопросы психологии. 1995. № 1.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1922. № 1.

Соколинский Е.К. Материалы Пражского архива Н.Е. Осипова и психоанализ произведений русской классической литературы // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Пр., 1995. С. 265–273.

Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2010. С. 75–94.

Тихонова Э.В. Русский интеллигент и истинный джентльмен Иван Иванович Лапшин (1870–1952) // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3. С. 154–171.

Фишер Е. Федор Досужков // Ежегодник истории и теории психоанализа. Т. 3. Ижевск, 2009. С. 139–145.

Шестаков В.П. Русские в Британских университетах. СПб., 2009.

«Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / пред., сост., подг. текста и комм. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2010. С. 363–384.

Alexander F. In memoriam: Gregory Zilboorg // Journal of American Psychoanalytical Association. 1960. N 8. P. 380–381.

Beit-Hallahmi B. Religiously based differences in approach to the psychology of religion: Freud, Fromm, Allport and Zilboorg // Advances in the psychology of religion / ed. B.L. Elmsford. Pergamon Press, 1985. P. 18–33.

Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. München, 1994.

Claparède E., Antipoff H. Correspondance (1914–1940) / ed. M. Ruchat. Florence, 2010.

Farina A. Maria Rickers-Ovsiankina (1898–1993) // American Psychologist. 1996. Vol. 51. N 6. P. 650.

Fountain G. Gregory Zilboorg, 1890–1959 // Psychoanalytical Quarterly. 1960. N 29. P. 1–5.

Freud S., Ossipow N.J. Briefwechsel: 1921–1929. Frankfurt am Main, 2009.

Gavrilov K. El problema de las neurosis en el dominio de la reflexologia. Buenos Aires, 1944.

Gavrilov K. El psicoanálisis a la luz de la reflexologia: Enfoques biológicos de la psicología profunda. Buenos Aires, 1953.

Gousseff-Klein C. L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920–1939). P., 2008.

Hassel J. Russian Refugees in France and the United States Between the World Wars // Transactions of the American Philosophical Society. 1991. Vol. 81. Pt. 7.

Johnston R. «New Mecca. New Babylon»: Paris and the Russian Exiles. 1920–1945. Kingston, 1988.

Luksic I. Ruski emigranti u Hrvatskoj izmeou dva rata: rubovi, memorija. Zagreb, 2006.

Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York; Oxford, 1990.

Raymond B., Jones D. The Russian Diaspora, 1917–1941. Lanham, 2000.

Sachs W. Black Hamlet. New York, 1937.

Sachs W. Black Anger. New York, 1947.

Simmel M. A Tribute to Eugenia Hanfmann, 1905–1983 // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1986. Vol. 22. N. 4. P. 348–356.

Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). P., 1996.

The Other Russia. The Experience of Exile / ed. by M. Glenny, N. Stone. L., 1990.

Tinguy A. De La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Plon, 2004.